

Т. В. Шмельова відзначає більшу семантичну складність перформативів порівняно з іншими модальними дієсловами, такими, як *хотіти, бажати, мусити, могли*: "вони є водночас актами мовної і соціальної діяльності мовця" [5, 96-97]. Щодо перформативів, які функціонують у структурі непрямих спонукальних речень, то як модальні слова, з одного боку, і як слова-дії, з іншого, вони якнайкраще відповідають завданню формування спонукальної модальності висловлення.

Якщо форми наказового способу являють собою спеціальний граматичний засіб вираження модальності спонукування, то перформативи слід розглядати як специфічний лексичний засіб експлікації спонукування в структурі висловлення, однак спонукування не як такого, а через експлікацію окремих, різних за своїм характером мовленнєвих дій, у яких воно реалізується. Отже, характер таких висловлень уточнюється через семантику перформативних дієслів: *наказу* позначає спонукування як наказ, *прохаю, прощу* – як прохання, *вимагаю* – як вимогу, *забороняю* – як вимогу не виконувати названу дію тощо. Саму ж дію, процес або стан речей, до яких спонукає мовець, називає інфінітив у позиції додатка а також підрядна з'ясувальна частина, яка може замішувати позицію додатка, наприклад: **Наказую виплатити повністю зарплату виховательці Квочці Наталіці Полікарпівніз 18 червня по 161 серпня 1984 року...**

Рекомендую обговорити в колективі поведінку Милого Дмитра Федоровича і вжити відповідних заходів (Ю. Мушкетик).

Звертає на себе увагу той факт, що дієслово у формі інфінітива на позначення руху й переміщення в просторі може опускатися: *Прощу до хати!* (з усного мовлення), пор.: *Прощу йти до хати; Прощу, щоб ви увійшли до хати*. Значення опущених лексем у таких реченнях відновлюється завдяки поширювачам локальної семантики – обставинам місця (у прикладі це лексема *до хати*) які звичайно супроводжують дієслова руху. Таке явище характерне для конструкцій із перформативами, що виражають прохання: *прощу, запрошую*. Вони становлять неповні реалізації спонукальних висловлень, а саме еліптичні речення, для яких пропуск згаданих лексем є типовим.

Аналіз висловлень із перформативами *просити, запрошувати* показав, що дії, процеси або стани речей, до яких мовець спонукає свого співрозмовника, можуть бути названі також віддієслівними іменниками або іменними словосполученнями, які становлять аналоги інфінітивних форм, наприклад: *Прощу уваги!* (з усного мовлення), (пор.: *Прощу бути уважними*), *Прощу тиші!* (з усного мовлення), (пер.: *Прощу, щоб було тихо!*). Дієслова-перформативи за своєю функцією подібні до дієслів наказового способу: їхнє лексичне значення експлікує безпосередньо спонукування. Разом із тим, висловлення з перформативами не можна вважати прямим спонукуванням: модально-спонукальне значення, з одного боку, і диктум, якого цей модус стосується, з іншого, виражені аналітичне різними словами — компонентами словосполучення, тоді як дієслівні форми імператива є синтетичними. Дієслова-перформативи надають спонукуванню описовості, що й доводить непрямий характер спонукальних висловлень, які їх містять.

Наголошуючи на значущості властивій модальним словам семантики для створення спонукування як потенційної перспективи висловлень, слід також визнати, що наявність модальних слів у їх структурі становить лише передумову функціонування цих висловлень як спонукальних. Роль модальних слів як чинників формування такої комунікативної настанови забезпечується також іншими ознаками цих висловлень, що створюють для модальних слів специфічні умови функціонування. Це передусім формальна структура висловлення, у складі якої вжите те чи інше модальне слово, зокрема наявність дієслів умовного й дійсного способів майбутнього, минулого й теперішнього часу, а також інфінітива.

Література

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: ИЛ, 1955. – 416 с.
2. Беличова-Кржижкова Е. О модальности предложения в русском языке // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – С. 49-78
3. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53-88.
4. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 254-299.
5. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и Проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – С. 78-101.
6. Austin J.L. How to do things with words. – Oxford UP, New York, 1973. – 329 p.

Нагорный И. А.

ПРЕСУППОЗИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Широкое толкование термина «семантическая структура» дает возможность вести речь не только о семантической структуре предложения, к которой причисляются пропозиция и модальная рамка, а о семантической структуре высказывания. В последнюю наряду с вышеуказанными включаются компоненты пресуппозитивного и околопропозитивного слоев диктума, принимающие непосредственное участие в создании широкого информативного фона высказывания и соотносящиеся между собой не только в моделиобразующем, но и в прагматическом аспекте. Данные компоненты являются выразителями особых смыслов, которые соотносятся с пропозитивными смыслами предложения. Такие смыслы существенно конкретизируют пропозитивные смыслы, соотносят их с говорящим, работают на коммуникативную перспективу языково-речевой единицы. Они важны для говорящего, поскольку выражают субъективность, авторство высказывания, что для речевого образования является определяющим.

Диктум и модус, будучи противопоставленными, не являются тем не менее чуждыми друг другу в едином семантическом пространстве предложения. Их взаимообусловленность закономерна. Противопоставленность же диктума и модуса обусловлена противоположностью внешнего мира и человека, среды и субъекта, "я" и "не-я". Однако на этом же базируется и их внутреннее единство, так как предложение, в котором диктумный и модусный слои смысла находят свое выражение, всегда является авторским построением, «пропущенным» через личность говорящего.

Отмеченные нюансы должны быть учтены при анализе высказываний с предположительными частицами (*едва ли, вряд ли, чай, авось, небось, вроде, словно, точно, разве, неужели, якобы, дескать* и т. п.). Причиной нашего обращения к подобным высказываниям явилась их яркая субъективность, обязательное формальное представление авторской точки зрения, позиции говорящего: *Но отослать его к отцам едва ль приятно будет вам (А. Пушкин); Мы, видишь ли, народ*

молодой! *Авось и германцы-то не старие...* (И. Бунин); *На его место назначен как будто бы Томский* (К. Чуковский); *Сижу – вроде думаю, а вот так спроси – не знаю, о чем* (В. Шукшин). Такого рода высказывания интересны, поскольку в них зафиксирован в действии процесс, который может быть условно обозначен как снятие четкой противопоставленности диктума и модуса. Объективная и субъективная части смысла здесь приближены друг к другу, представляют собой синтез автономных единств. Диктум при помощи модального квалификатора как бы «притягивается» к модусу, используется для нужд модуса, в результате чего субъективные смыслы внедряются в диктум, трансформируя и усложняя его смысловую структуру. Частицы как модусные элементы актуализируют элементы диктума посредством трансформации полей пропозитивно значимых элементов, в первую очередь – предиката. Модусные смыслы, вводимые модальными квалификаторами, в ряде случаев даже подчиняют себе объективные смыслы, которые используются в этом случае не столько для репрезентации события как такового, сколько в качестве смысловой базы, на основе которой реализуется модальная квалификация события, происходит его прагматическая ориентация: *Авось, бог даст, распогодится* (И. Бунин); *Описывать его обыкновенную наружность едва ли и следует* (А. Чехов); *Вряд ли Шебалив станет держать попову сторону* (А. Гайдар).

Однако предположительные частицы актуализируют в высказывании не только модусные смыслы. В анализируемых речевых образованиях выделяется особый слой смысла, который не является, с одной стороны, принадлежностью модуса, а с другой стороны, не включается в число собственно пропозитивных смыслов.

Рассмотрим данную проблему более детально. Известно, что объективная (диктумная) часть смысла высказывания членится на два слоя. Один принадлежит пропозиции, модели. Другой сосредоточен на актуализации условий, которые лежат в основе развертывания первого слоя. Речь здесь идет о так называемом пресуппозитивном смысле, наличие которого в высказывании обязательно [2; 3]. В исследованиях неоднократно указывалось на то, что пресуппозиция имеет понятийную, логическую природу. Логическое понятие пресуппозиции было определено Г. Фреге, который понимал под ней условия, способствующие тому, чтобы предложение правильно понималось [4]. Лингвистическое толкование пресуппозиции основывается на том, что последняя представляет собой имплицитный уровень смысла, обязательный для образования предложений, в связи с чем ему придается лингвистический статус. Выделение пресуппозиций предполагает обозначение какого-то исходного события, которое является условием возникновения другого события, воплощенного в пропозиции. Согласно еще одному подходу под условиями понимаются внеречевые факторы, так или иначе связанные с участниками коммуникативного акта [5] (время, место, ситуация и др.). Данная точка зрения соотносится с коммуникативным аспектом рассмотрения пресуппозиций. Речевая пресуппозиция соотносена с истинным знанием, однако опосредованно – через обозначение предусловий, явившихся причиной квалификации события.

Соотнося данные проблемы с темой нашего описания, заметим, что указание на существование предусловий, так или иначе влияющих на возможность осуществления ситуации в действительности, является важной функцией предположительных частиц.

Понятия «пресуппозиция» и «предусловия» находятся между собой в тесных, однако не тождественных отношениях. Общее заключается в том, что и пресуппозиция, и предусловия включаются как составляющие в объективный слой предложенческого смысла. И те и другие фигурируют имплицитно, в основе содержат указание на условия, которые так или иначе связаны со способом представления ситуации. Однако имеются и существенные отличия. Если пресуппозицией являются условия, выдерживающие критерий проверки отрицанием, то предусловие следует понимать как причину, которая явилась поводом для построения предложения и которая не может быть экспериментально проверена отрицанием. Данный критерий служит фактором, подтверждающим гипотезу, что предположительные частицы не могут быть отнесены к знакам, фиксирующим логические и лингвистические пресуппозиции. Смыслы, актуализируемые данными частицами, проверки критерием отрицания не выдерживают. Результат преобразования таких предложений в отрицательные, доказывает, что смыслы, вводимые частицами, не могут быть охарактеризованы в языковом аспекте как собственно пресуппозитивные. Отрицание не затрагивает их. В конструктах *Небось он там был – Небось его там не было; Ты, чай, слышал об этом – Ты, чай, не слышал об этом; Вряд ли он способен на это – Вряд ли он не способен на это* выделяются пресуппозиции “он есть”, “имеется нечто”, которые при введении отрицания сохраняются. Смысл же, реализуемый частицей, осознается как чуждый логической и лингвистической пресуппозиции, как смысл не собственно пресуппозитивного, а какого-то иного, хотя тоже имплицитного свойства. Предположительная частица в данном случае – “след” фоновых знаний говорящего о причине, породившей высказывание, показатель внеречевых условий.

Для предусловий критерий истинности/ложности важен, однако в ином аспекте, нежели для пресуппозиции. Предусловия не могут осознаваться как истинные или ложные. Они всегда могут только быть, и их наличие – это повод для создания высказывания. Предположительные квалификаторы, в том числе частицы, выражают одну абсолютно истинную мысль – «я так считаю». Эта мысль есть указание на предусловия, на существование причины, заставляющей говорящего актуализировать свою точку зрения при помощи ввода формального средства. Предположение, сомнение, другие квалификативные смыслы под влиянием этих условий не перерастают в констатационные именно потому, что имеются обстоятельства, определенным образом препятствующие этому, и говорящий в той или иной степени допускает возможность существования таких обстоятельств в действительности.

При наличии в составе высказывания предположительной частицы какая-то часть из логических пресуппозиций уже не может быть однозначно определена как истинные или ложные, так как их частично “затемняют” предусловия, на существование которых указывают субъективно-модальные квалификаторы. Высказывания с предположительными частицами выражают относительно-истинные суждения, нуждающиеся в перспективной коррекции по критерию “истина/ложь”. Подобные суждения есть результат существования предусловий, явившихся первопричиной модально-персуазивной квалификации события.

В высказывании *Шуйский. ...Весть важная! И если до народа Она дойдет, то быть грозе великой. Пушкин. Такой грозе, что вряд царю Борису Сдержат венец на умной голове* (А. Пушкин) отношения между пресуппозицией и предусловиями развиваются следующим образом. В действительности имеется какое-то событие, зафиксированное исходной пресуппозицией. Обычно это экзистенциальная пресуппозиция, в данном случае – “Борис – царь”. Экзистенциальная пресуппозиция лежит в основе развития логических пресуппозиций: “царь владеет неограниченной

властью”; “если субъект царь, то он владеет неограниченной властью”. Имеются предусловия, которые не позволяют однозначно охарактеризовать логические пресуппозиции как истинные или ложные на данный момент, т.е. представить их в качестве базовых для установления истинности/ложности конечного результата какого-то конкретного события: “имеется нечто, что может осложнить отношения Бориса и народа”; “положение Бориса на троне непрочно”. Предусловия в данном высказывании не развернуты, но на факт их существования указывает формальное средство – частица. Указанные условия – внеязыковые, логического плана, однако получающие знаковую репрезентацию на языковом уровне.

Фиксируемые частицей предусловия составляют смысловую основу особой пресуппозиции – речевой. Кроме предусловий в данную пресуппозицию включаются нелингвистические знания участников речевого акта, представления их о мире, экстралингвистические факторы, межличностные отношения, в которых находятся между собой говорящий и адресат, гарантирующие уместность и понятность высказывания.

Речевая пресуппозиция обязательна для высказывания. Модально-предположительный квалификатор через обозначение факта наличия предусловий функционирует в качестве одного из ее репрезентаторов. Он соотносит высказывание с внеречевыми знаниями (пресуппозитивным фондом) говорящего.

Любая пресуппозиция – это условия. Не исключение в этом плане и речевая пресуппозиция. Условия речевой пресуппозиции являются основой для уместности выбранной структуры высказывания, эффективности воплощения коммуникативных интенций говорящего, правильного понимания высказывания адресатом. Строя модально-предположительное высказывание, говорящий стремится удовлетворить эти условия для правильного истолкования адресатом своей точки зрения.

В высказывании фактом введения частицы подтверждается указание на то, что имеется общая тема речевого общения, которая, по мнению говорящего, важна как для него, так и для адресата. Именно это способствует модальной квалификации события, т.е. попытке «донести» говорящим собственную точку зрения до адресата, показать ему ее значимость. Адресат, в свою очередь, должен владеть комплексом пресуппозитивных знаний, которые позволили бы ему правильно воспринять предлагаемую квалификацию события. Именно этот набор знаний и определяет критерий уместности применяемой говорящим модальной квалификации. В основе данного критерия находится принцип понятности, которому должно соответствовать речевое высказывание.

Речевая пресуппозиция в высказываниях с предположительными частицами рассчитана на то, что адресат окажется способным соотнести известные факты с предлагаемой модальной квалификацией и “переложить” это на уже известную ситуацию через ее моделирование на пресуппозитивном уровне. При несоответствии высказывания принципу понятности речевая пресуппозиция останется не воспринятой адресатом, что повлечет за собой невыполнение говорящим его коммуникативной задачи, которой было подчинено создание модально-квалификативного высказывания, – речевому воздействию на адресата. Для адресата частица является знаком пресуппозитивного знания говорящего, знаком того, что говорящий оперирует своим знанием в интересах успешности коммуникативного акта: (Ср.: *-Пусть вратарем будет Олег, – решили все. – Вряд ли он придет сегодня, – сказал Антон (Г. Соколова)*).

В высказываниях с предположительными частицами речевая пресуппозиция, как система предварительных знаний коммуникантов о предмете речи, проявляется в качестве смысловой основы итогового допущения более одного возможного результата. Данное допущение характеризуется как условное предварительное “соглашение” между говорящим и адресатом. Адресат, по мнению говорящего, либо не обладает необходимым объемом знаний о предусловиях осуществления ситуации (и поэтому не в состоянии судить о правильности примененной квалификации события), либо обладает таким объемом знаний, но в этом случае модальная квалификация, примененная говорящим, должна показать адресату, что существует какая-то причина (о которой, возможно, тот не знает), обуславлившая именно такой способ представления события. В идеале интенция говорящего должна совпасть с интенцией адресата. Только тогда модальная квалификация события будет воспринята адресатом так, как это необходимо говорящему. Таким образом, в процессе речемыслительной деятельности и говорящий, и адресат оперируют модальными частицами как знаками речевых пресуппозитивных отношений.

Высказывания с частицами – речевые образования, поэтому естественным оказывается тот факт, что перспективное развитие получают здесь пресуппозиции, обусловленные коммуникативным заданием говорящего. Для говорящего на данном этапе речевого общения наиболее существенным оказывается не столько обозначить событие как таковое, сколько сориентировать адресата на актуальную пресуппозицию, важную (с точки зрения говорящего) для успешности выполнения коммуникативного задания. В этом аспекте неречевые пресуппозиции отодвигаются на второй план, как бы “затемняются”, подчиняются речевой пресуппозиции. Последняя позволяет это сделать, так как использование субъективно-модального квалификатора налагает ряд требований к объему фонда знаний адресата. Предполагается, что адресат в какой-то мере ориентирован на имеющие место в высказывании логические и лингвистические пресуппозиции, оперирует (или имеет возможность оперировать) ими.

Итак, предположительные частицы репрезентируют в высказывании особый уровень смысла – указывают на существование в действительности предусловий (причин), способствующих или препятствующих осуществлению события в действительности. Данные предусловия – стимул к зарождению модально-квалификативного высказывания. Смысл, актуализируемый частицами, самостоятелен, отличен от смысла, актуализируемого лингвистическими и логическими пресуппозициями. Он объективен по сути, не является принадлежностью модуса, хотя и соотносится с ним. Указанный смысл необходимо рассматривать как один из факторов сближения объективного и субъективного в высказывании. В этом аспекте МПЧ – элементы, снимающие четкую противопоставленность диктума и модуса.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 32. – 1973. – № 1.
2. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд. МГУ, 1976.
3. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – Вып. 8. – М.: ВИНТИ, 1977.
4. Lakoff G. Linguistics and Natural Logic/Synthese. – 1970. – v.22. – Nos S.

Ніколаєва Л. Б.
ТИПОЛОГІЧНЕ ДОСЛІДЖЕННЯ СЕМАНТИКИ ТЕРМІНІВ СПОРІДНЕНОСТІ

1. Вступні зауваження. Термін спорідненості (далі ТС) визначають як лексичну одиницю, за допомогою якої називають особу, пов'язану певними родинними стосунками із іншими особами або групою осіб [1], [2], [3]. Називання таких лексичних одиниць *термінами* є досить умовним і слідує прийнятій традиції [3], [4], [6], [13], [15].

ТС окремих мов були об'єктом дослідження у чисельних роботах лінгвістів та етнографів [1], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [12], [14], [15], [17]. Але до цього часу відсутній лінгвістичний типологічний опис ТС на матеріалі такої кількості мов, яка б дозволяла зробити ґрунтовні типологічні висновки стосовно семантики даного шару лексики.

2. Матеріалом даного дослідження є дані 40 мов: *I. Індоевропейські*. 1) слов'янські: російська, українська; 2) германські: німецька, англійська; 3) романські: французька, іспанська; 4) іранські: осетинська; 5) індоарійські: хінді. *II. Алтайські*. 1) тюркські: турецька, башкирська, гагаузька; 2) монгольські: монгольська, калмицька; 3) тунгусо-манчжурські: евенська, евенкійська. *III. Семіто-хамітські*: арабська. *IV. Ізольовані*: японська, корейська. *V. Сино-тибетські*: 1) ханські: китайська. *VI. Австронезійські*: 1) індонезійські: малагасійська, тагальська; 2) океанійські: рапануйська, гавайська, маорі, таїтянська. *VII. Австралійські*: аліварра, ваалобал, джінглі, яральде. *VIII. Американо-індейські*: чіпевіан, оджибва, війот, крі, йурок. *IX. Нігеро-конголезькі*: 1) гвінейські: ашанті, фанті; 2) манден: бамана, тура. *X. Палеозіатські*: нівхська, кокагірська.

3. Метою дослідження є типологічне зіставлення ТС різноструктурних мов з погляду їх семантики. Мета роботи передбачає розв'язання таких **завдань**: 1) проаналізувати семантичну структуру ТС за диференційними семантичними ознаками; 2) провести типологічну класифікацію семантичних наборів ТС; 3) виявити ступінь схожості та відмінності ТС мов, що досліджуються.

4. Семантика ТС. 4.1. Проведений за допомогою методики компонентного аналізу [16], [19], [20] опис семантичної структури ТС дозволив виявити вісім диференційних семантичних ознак:

1) *Ознака кровної спорідненості*, яка припускає наявність у деякої кількості людей загальних предків: *батько, мати, син, дочка* і т.д.

2) *Ознака спорідненості через шлюб*. Свояками називають родичів чоловіка стосовно дружини і навпаки.

Дані ознаки було взято за інтегральні, що дозволило розділити матеріал дослідження на дві групи. Усереднені кожної із груп виявлені натуспні ознаки:

3) *Ознака лінії спорідненості*, дозволяє розрізнити *пряму* та *бічну* лінії спорідненості. Кровна спорідненість по прямій лінії являє собою відносини між двома особами, з яких одна походить від іншої (евенське *аман* 'батько', японське *musuko* 'син', корейське *чо-пу* 'дід', башкирське *ейен* 'онук'). Кровна спорідненість по бічній лінії, це відносини, що існують між двома особами, які походять від загальних предків, а не прямо одне від одного (арабське *a:h* 'брат'). До групи свояків по прямій лінії належать терміни, що називають подружжя (українське *чоловік*) та їхніх батьків (нівхське *атак* 'батько чоловіка'); по бічній лінії – братів і сестер чоловіка та жінки (бамана *buran-ke* 'старший брат чоловіка або жінки').

4) *Ознака напрямку спорідненості*, визначає характер родинних зв'язків по одному з родичів, порівн., з одного боку, в українській мові *дядько* 'брат батька або матері' та, з іншого, у гагаузькій *дайька* 'брат матері' та *амужа* 'брат батька'. Наведений приклад показує, що в українській мові ознака напрямку спорідненості по батьку чи матері відсутня на відміну від гагаузької, де вона (ознака) чітко простежується. Семантичні набори ТС, що позначають родичів через шлюб також включають ознаку напрямку спорідненості: тура *bāa* 'а) батько чоловіка, б) батько дружини', та китайське *цзю* 'батько чоловіка', *юефу* 'батько дружини'.

5) *Ознака віку* зустрічається у наборах як ТС кровної спорідненості так і ТС через шлюб: нівхське *акан* 'старший брат', *нанк* 'старша сестра', *єх* 'дружина молодшого брата', *аньг'и* 'дружина старшого брата'.

6) *Ознака покоління*, показує, чи характерний для певної мови розподіл або поєднання поколінь, тобто чи є можливим опис за допомогою однієї лексеми родичів, що належать до різних поколінь, та які саме покоління поєднуються, наприклад, алівара *aringiya* 'а) батько батька, б) онук'; бамана *buran-ke* 'а) батько чоловіка, б) батько дружини, с) чоловік дочки, d) старший брат чоловіка, e) старший брат дружини, f) чоловік старшої сестри'. Ознака поєднання поколінь може зумовлювати наявність так званих реципрокних ТС (див. п. 4.2).

7) *Ознака статі* показує, чи характерний у тій чи іншій мові розподіл за статтю: порівн., з одного боку кокагірське *атк'ытх* 'дід', *атьмам* 'бабка' та, з іншого боку, рапануйське *turina* 'а) дід, б) бабка'.

8) *Ознака статі Ego* показує, чи характерна для даної мови наявність двох різних ТС для позначення одного й того ж рівня спорідненості залежно від статі Ego (того, хто говорить): крі *ni-tchās* 'а) син сестри батька, б) син брата матері (Ego чоловік)' та *ni-timus* 'а) син сестри батька, б) син брата матері (Ego жінка)'; йурок *yi-dats's* 'дружина брата (Ego чоловік)' *yi-dats* та 'дружина брата (Ego жінка)'.

Таблиця 1

Кількісна характеристика вираження диференційних семантичних ознак термінів спорідненості у мовах набору

№	Диференційна семантична ознака	Кількість мов (із 40), в яких виражена дана ознака	
		Терміни кровної спорідненості	Терміни спорідненості через шлюб
1.	Ознака лінії спорідненості	36	38
2.	Ознака напрямку спорідненості	25	31
3.	Ознака віку	26	13
4.	Ознака покоління	39	40
5.	Ознака статі	39	37
6.	Ознака статі Ego	9	6